

Как только Шао Цзюнь увёл притихшего Цзя Баоюя, Су Цзэцзинь повернулся к стоявшему рядом Шао Инлиню и мягко проговорил:

— Мальчик ещё совсем юн, и его неведение — вещь вполне естественная. Стоило ли вам, учитель, так горячиться и осыпать его столь суровыми упрёками?

Инлинь притянул юношу к себе и, ласково поглаживая по плечу, со вздохом ответил:

— Ты у меня слишком добр, Цзинь-эр, и всегда готов оправдать чужие слабости. Но меня берёт досада, когда я вижу столь вопиющую лень. Подумай о Чжу-эре: сколько лет он учится без устали, истощая силы ради того, чтобы выхлопотать достойное будущее для себя и своих близких. Они ведь родные братья, плоть от плоти, но до чего же разные у них помыслы! Баоюй — младший сын, будущий защитник очага, а ни в чём не может подсобить старшему брату. Пустозвон, не приносящий пользы ни роду, ни людям — он уступает даже своей хрупкой сестре Юаньчунь! Непутёвый, неблагодарный мальчишка. Полагаю, у Юаньчунь честолюбия поболее будет, она во многом пошла в Чжу-эра. Похоже, их дому только и остаётся, что уповать на её успехи.

—...

— Ненавидит книги, только и знает, что предаваться праздным забавам. Ума не приложу, как он умудряется не сгорать со стыда в присутствии Чжу-эра и Сююя! Или он думает, раз явился на свет с яшмой во рту, то и впрямь отмечен небесами? Из троих учеников, которых я, Шао Инлинь, наставлял в этой жизни, каждый наделён редчайшим даром. Но разве хоть один из них посмел возомнить, будто можно обрести истинную учёность без тяжких трудов, без того, чтобы огранить свой разум и выковать иглу из бесформенной глыбы железа? Не бывает в поднебесной столь лёгких дорог!

Цзэцзинь кротко улыбнулся и заметил:

— Ваши слова неоспоримы, учитель. И всё же Чжу-эр не раз говаривал, что его младший брат на редкость смыслён и одарён талантами. Полагаю, его никак нельзя назвать человеком заурядным.

Шао Инлинь лишь презрительно хмыкнул:

— Необычайно одарён? Потянись он в младенчестве на смотринах к дощечкам Цан Цзе, как Хуа-эр или Сююй, я бы ещё поверил. Но этот бездельник, говорят, ухватил женские шпильки да притирания, отчего его почтенный батюшка чуть не лишился чувств от ярости. Какая-то искра в нём, быть может, и теплится, но ведь без огранки и яшма — простой булыжник.

Необработанный самоцвет никогда не превратится в истинное сокровище, в его хваленый «Баоюй»! Пусть Чжу-эр уступает брату в лёгкости слога, зато он не по годам зрел, обладает незаурядным умом и всегда имеет твёрдые намерения — сверстники ему и в подмётки не годятся. А ежели судить о чистом таланте, где этому мальчишке тягаться с Сююем и Хуа-эром? Те рождены под покровительством звезды словесности, обоим предначертан путь первых

учёных империи.

— А какова же, по-вашему, его судьба? — вновь спросил Цзэцинь. — Мне почему-то кажется, что его ждёт удел отшельника, уход от мирской суеты.

Шао Инлинь согласно кивнул:

— И я того же мнения. Грядущее этого сорванца лежит как на ладони. Меня куда больше беспокоит участь Чжу-эра. Я не раз порывался составить для него предсказание, дабы провидеть предначертанные невзгоды, но небо безмолвствует — гадание всякий раз путается. Что ж, значит, Чжу-эру придётся уповать лишь на собственные силы. В его случае всё решит воля человека.

О чём ещё толковали двое учёных в тот час — мы опустим за ненадобностью.

Тем временем Цзя Чжу заглянул в кабинет Линь Сююя. Он не видел друга множество дней и был искренне рад встрече, однако тревога за Цзя Баоюя не давала ему покоя, отчего новые каллиграфические свитки хозяина дома он разглядывал совиным, рассеанным взором. Линь Сююй тотчас заметил его отрешённость и мягко поинтересовался, какая забота тяготит гостя. Выслушав сбивчивые объяснения о младшем брате, он ободряюще улыбнулся:

— К чему так сокрушаться о молодом барине? Мне доводилось читать его вирши: для своих нежных лет он слагает весьма недурно, у него живой слог. А наш почтенный учитель всегда благоволил к одарённым юношам. Стоит ли сомневаться, что его заметят и оценят по достоинству?

Однако Цзя Чжу лишь сокрушённо вздохнул:

— Сказать по правде, брат Юй, я почти уверен, что учитель откажется взять его в ученики.

— Отчего же? — удивился Линь Сююй.

— Брат Юй, тебе ли не знать крутой нрав нашего наставника, — ответил Цзя Чжу. — Коли мил ему юноша, он всю душу в него вложит и передаст знания без остатка. А ежели не по нраву — хоть золотые горы перед ним разложи, и взгляда не удостоит. За годы учения я успел изучить его привычки. Учитель всегда благоволил к умам блистательным, чей дар граничит с небесным откровением. Баоюй же горазд лишь на пустяковые вирши о цветах да слезах — подобным безделкам нет места в высоких чертогах словесности. К тому же наставник ценит прилежание и почтение к старшим. Вспомни себя или второго молодого господина Хоу: с первого дня вы вели себя благонаравно, чтя законы вежливости. Из всех его воспитанников я, пожалуй, был самым нерадивым, но мой младший брат превосходит меня во сто крат. Он упрям, своенравен,

а его помыслы далеки от истинного учения. Разве станет учитель терпеть подобное?

Линь Сююй промолчал, не найдя подходящих слов для возражения. Он уже собирался сказать другу что-то утешительное, как в комнату вошёл слуга Иньши. Он доложил, что учитель действительно отказал молодому барину, отчего Цзя Чжэн пришёл в неистовство и спешно собирается восвояси. Цзя Чжу заторопился вслед за отцом, но Линь Сююй, не желая так быстро расставаться с ним после долгой разлуки, вызвался поехать вместе в Жунфу и погостить там день-другой. Быстро собравшись, молодые люди сели в экипаж и покатили вслед за каретой разъярённого батюшки.

Цзя Чжэн, услышав об отказе Шао Инлиня, едва сдерживал бушевавшую в груди ярость. Пред его мысленным взором невольно проплывали воспоминания о том, как много лет назад он приводил просить за старшего сына. Тогда всё уладилось без малейших заминок: наставник охотно принял Цзя Чжу, и тот исправно посещал занятия в усадьбе Линей, ни разу не дав отцу повода для беспокойства.

Ныне же всё обернулось позором. Невзирая на то, что старший брат загодя расхвалил мальчишку перед учителем, Цзя Баоюй показывал лишь тупое упрямство и неохоту. Всем своим видом негодник показывал, что презирает учение. И ведь этот срам разыгрался на глазах у Линь Хая с супругой и Линь Сююй! Цзя Чжэну было известно, что даже малолетняя дочь Линей, которая на год младше его сына, уже вовсю постигает грамоту, а его собственный отпрыск лишь опозорил имя предков перед роднёй. От подобных мыслей кровь бросилась ему в голову.

Едва экипаж въехал в усадьбу, Цзя Чжэн вихрем выскочил наружу и, грубо схватив притихшего Цзя Баоюя, поволок его во внешний кабинет. Заперев изнутри дверь, он принялся допрашивать сына с пристрастием, требуя до единого слова пересказать разговор с Шао Инлинем. Цзя Баоюй, у которого от страха зуб на зуб не попадал, лепетал и заикался, послушно выкладывая всё без утайки.

Услышав, какую беспросветную лень выказал его отпрыск — да так, что даже посторонний учёный муж не выдержал и разразился гневной отповедью, — Цзя Чжэн затрясся от безудержной ярости. Рывкнув на сына, чтобы тот немедленно пал на колени, он принялся лихорадочно метаться по кабинету в поисках розги или бамбуковой трости. Однако старший сын всегда рос прилежным и повода для битья не давал, младшего же доселе строго не наказывали, так что в комнате не сыскалось даже простейшей судейской линейки.

Это препятствие раззадорило его гнев ещё пуще. Пинком распахнув дверь, Цзя Чжэн собрался было крикнуть слугам, чтобы несли палки, но взгляд его упал на забытую кем-то на галерее метлу. Схватив её, он бросился обратно и принялся остервенело, наотмашь колотить сына. Цзя Баоюй истошно вопил и плакал, закрывая лицо руками, но вскочить и убежать не смел, лишь сжимался в комок под свистящими ударами.

Услышав крики, прислужники у дверей засуетились. Самые расторопные из них со всех ног бросились к внутренним покоям, чтобы доложить обо всём Матушке Цзя, другие же побежали в обход к малому дворику Цзя Чжу, что примыкал к кабинету отца, дабы поскорее призвать на помощь старшего брата...

<http://bllate.org/book/18221/1766221>